

Владислав Китик

Дедушка и внучек

Мой дедушка был пивник. То есть любил пиво и потреблял его иногда по случаю, иногда потому, что в ларек возле дома завозили свежее «Жигулевское». Иногда запивал свою обиду отставного майора, попавшего под «хрущевское сокращение».

Принять двумя руками пузатую кружку, сдуть пену, взбитую над ячменным янтарем, отхлебнуть и понимающе произнести: «Да-а!.. Богатое!» – было ритуалом приобщения к будничным радостям скуповатых на подарки пятидесятых годов.

Особенно торжественно этот обряд совершался после бани.

Она находилась на улице Торговой возле большого гастронома, отражавшего витринами корпуса Нового базара. Дед собирался чинно, аккуратно складывая в чемоданчик чистое полотенце, с удовольствием поднося к носу малиновый брусок душистого мыла. И улыбался от предвкушения удовольствия и утра, полного пенсионной свободы.

Однако бабушка знала все наперед и, обладая недреманным оком, словно невзначай певуче произносила: «Вася, а что ж ты сам? Внучка возьми. Бери! Бе-ри! Помоетесь – и назад!» – чеканно заключала она.

Дед не спорил. Он любил жизнь, любил бабушку, меня, конечно, новости, передаваемые по круглому репродуктору. Страна переживала период, по-весеннему названный вслед за И. Эренбургом оттепелью. Кинематограф поражал версиями будущего с умными механизмами и роботами. И как первые ласточки науки в быт входили хоть и немудреные, но работающие автоматы.

– Деда, а у нас есть такие? – спрашивал я, с любопытством слушая по дороге рассказы о чудесах техники.

– Еще бы! И скоро ты их сам увидишь! – лукаво подмигивал он.

Баня обдала жарой и душным влажным паром. На каменных скамьях, сверкая наготой, сидели тертые жизнью мужики. Бывшие фронтовики, уголовники, грузчики с базара, портовики, инвалиды. В банном зале стоял гул, образованный плеском воды, шумом открытого душа, жестяным стуком тазиков-шаек, который заглушал мысли об анонсированном сюрпризе. Глаза разбегались от галереи татуировок на телах: огромных церквей на всю спину, жеманных полуодетых девиц, воровских надписей. Больше всего поражали профили Сталина и Ленина, перенесенные на грудь с медали. Как потом я узнал, это суеверный оберег от пули, рожденный уверенностью, что в изображение вождей стрелять не станут.

С потолка по стене спускались трубы холодной и горячей воды с медными пробковыми кранами. Когда я поворачивал их большие деревянные рукоятки, чтобы отрегулировать в тазике нужную температуру, мне казалось, что я стою у пульта управления обещанным светлым завтра.

Мы вышли из бани во дворик, увитый диким виноградом. Прошли через ворота на улицу. Дед расстегнул макинтош, улыбочиво щурился на солнце и буквально млел от доброты.

– А теперь смотри! – он торжественно, как афинский оратор, воздел палец к небу. Взял меня за руку, и мы подошли к ступеням гастронома. От других продуктовых магазинов этот выделяло наличие в боковом крыле пивных автоматов. Нужно было бросить десять копеек в щелку, нажать кнопку и ждать. Благо недолго.

В утробе железного шкафа что-то хрюкнуло, всхлипнуло – и в стакан, поставленный в нише, полилась напористая струя.

– О как! – дедушка извлек стакан, выпил и с удовольствием причмокнул. – А ну-ка, ты брось монетку.

Волшебное действие повторилось.

На радостях я спросил: «А можно еще?». И получил самое радужное одобрение.

Дедушку кто-то хлопнул по плечу:

– Здорово, сосед! Работает техника?

– Исправно, Миша! – ответил дед. – Только пиво что-то уж очень разбавлено.

– А это мы поправим, – сосед полез в карман и достал шкалик. Он приподнял его и показал товарищу, на что тот сразу охотно кивнул: ершик оприходовать – это всегда с удовольствием.

У мужиков, как у трех охотников на привале, начался оживленный разговор, в котором я ничего не понимал, и вскоре я заскучал и стал канючить: «Деда, а деда, ну пошли уже». Но он не мог прервать общение. Тогда соломоново решение пришло само, как только взгляд дедушки упал на прилавок. Он вынул несколько монет и сказал, что дает мне взрослое задание купить себе детскую бутылочку. Тогда продавались такие шоколадки в форме бутылки, внутри которой был ликер.

Продавщица протянула мне это кондитерское изделие в блестящей обертке, сказав: «Смотри, какой маленький, а самостоятельный! Кушай, деточка».

Между тем разговор за ершом стал напоминать патефонную пластинку, заевшую на одной музыкальной фразе. И находчивые собеседники еще раза три отправляли меня в кондитерский отдел.

Наконец мы вышли из гастронома. Улица покачивалась, встречные прохожие чуть посмеивались и продолжали свой путь. Мне стало тепло и беспричинно весело. Дедушка и вовсе излучал жизнелюбие. Мы шли и хохотали: дедушка и внучек. Ну а дома...

Эта история вспомнилась через года, когда миром овладел интернет, над могилой майора Василия Горбунова давно стоял памятник со звездой, как принято у военных, а шоколадок в виде бутылочки с ликером нет и в помине. Вспомнилось случайно, когда я читал Мандельштама: «А дома руганью крылатой, от ярости бледна, // Встречает пьяного Сократа суровая жена». А после долго думалось о том, как странно совпадают жизнь и стихи, нынешнее и привкус минувшего, опыт и понимание, от которого зависит прощение. Других и себя.

